

**Отзыв официального оппонента —
доктора философских наук, доктора исторических наук, профессора
Сергея Павловича Щавелева о диссертации
Елены Юрьевны Захаровой
«История археологии Центрального Черноземья России
(последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.)»,
представленной в диссертационный совет Д.212.038.12
при ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
на соискание учёной степени доктора исторических наук
по специальности 07. 00. 06 – археология**

В Воронеже, на базе в основном Воронежского государственного университета, сложилась одна из первых в нашей стране и одна из самых продуктивных научных школ по истории археологии. Ее лидерами на рубеже XX–XXI веков стали А.З. Винников, А.П. Медведев, А.Д. Пряхин, М.В. Цыбин, И.Е. Сафонов, Е.Ю. Захарова, ряд более молодых исследователей. Работы в этой области Елены Юрьевны Захаровой, опубликованные в 2000–2016 годах во многих авторитетных академических изданиях, выделяются новизной содержания и методологической основательностью.

Многолетнее сотрудничество с воронежскими коллегами помогло и в моих собственных штудиях по истории археологии в России. В 1990 г. я выступил с докладом на конференции «Проблемы истории отечественной археологии», состоявшейся в Санкт-Петербургском государственном университете¹. Тогда же начал (и до сих пор продолжаю) публиковать статьи по истории русской археологии в центральных изданиях — «Российской археологии», «Вопросах истории», киевской «Археологiи», изданиях ГИМа, МГУ, СПбГУ, Государственного Эрмитажа, большинстве российских и нескольких украинских университетов, многих других сборниках². Затем последовало несколько моих монографий по той же тематике³. Наконец, защитил на историческом факультете Воронежского государственного университета, в этом же самом Диссертационном совете Д 212.038.12 докторскую диссертацию по российской истории, где реконструировал все

¹ См.: Щавелев С.П. Д.Я. Самоквасов: эскиз археологического наследия // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции (11–13 декабря 1990 г.). СПб., 1993. С. 21–23.

² В их числе: Щавелев С.П. Д.Я. Самоквасов: заповіт археолога // Археологія. 1991. № 1. С. 98–108; *Его же*. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии / Сост. и отв. ред. А.А. Формозов. М., Ин-т археологии РАН, 1991. С. 25–50; *Его же*. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // Российская археология. 1992. № 1. С. 255–264; *Его же*. Историография провинциальных древностей (эскиз периодизации применительно к юго-востоку России) // Археология и история юго-востока Древней Руси (Материалы научной конференции). Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1993. С. 91–93; мн. др.

³ Среди них биография Д.Я. Самоквасова (1995) и три выпуска книги «Первооткрыватели курских древностей» (1997, 2002).

этапы становления археологии и смежных гуманитарных дисциплин на юге нашей страны в XVII–XX вв.⁴ Все эти работы удостоились одобрительных отзывов в нескольких книгах Александра Александровича Формозова. Параллельно мне приходилось выступать официальным оппонентом и давать отзывы на несколько кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по истории археологии в России и на Украине, публиковать в центральных изданиях рецензии на такого рода труды⁵.

Так что с одной стороны я сознаю себя какой-то частью целого направления в российской науке, которое за последние четверть века успешно развивается, в него включаются всё новые и новые участники. С другой же стороны, оценка этой тематической экспансии не так однозначна, как это представляется многим коллегам. Нередко по истории науки пытаются писать лица, которые сами этой наукой всерьез не занимались. Или наоборот, отошли от занятий той же археологией, чтобы поучаствовать в ее историографировании⁶. Причин подобного кадрового и тематического «дрейфа» несколько, и я на них еще остановлюсь ниже. Во всяком случае, стоит прислушаться к словам Дмитрия Михайловича Буланина из «Пушкинского дома» РАН на сей счёт: «Заметное за последние годы увлечение историографией опознаётся как ещё одна примета импотенции сегодняшней науки. Нужно конечно признать, что благодаря этому увлечению из архивов извлекли великолепные сочинения корифеев гуманитарной науки, которые в своё время не были доведены до печати. Но

⁴ См.: *Щавелев С.П.* Судьбы исторических древностей Южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII–XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Курск, изд-во Курского гос. медицинского ун-та, 2002. 41 с.

⁵ В том числе: *Поташкина Н.А.* Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX – начало XX в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Воронеж, 2006; *Ясновська Л.В.* Давньоруські старожитності Чернігівщини в историко-культурному просторі та науковому житті регіону. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Чернігів, 2010; *Щавелев С.П.* Власть археологии и археология власти (*Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с. // *Российский археологический ежегодник / Под ред. Л. Вишняцкого.* № 2. 2012. СПб., изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. С. 765–780; *Его же.* Отечественная археология в лицах: версия Льва Клейна ([Рец. на кн.:] Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.; Т. 2. Археологи советской эпохи. 640 с. Санкт-Петербург: Евразия, 2014) // *Stratum plus.* Археология и культурная антропология. 2016. № 1. С. 351–364; *Тункина И.В., Щавелев С.П.* Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии // *Эпистемология & философия науки.* Ежеквартальный научно-теоретический журнал. Т. XXXVIII. № 4. М., «Канон+», 2013. С. 235–240; мн. др.

⁶ Тщания разграничить между собой «историю науки» и её же «историографию» меня, немало написавшего по философии и методологии науки, не убеждают. По большому счету, это одно и то же.

пристрастие к историографии как маркирующий признак вторичности теперешней науки от этого не меняется»⁷.

Сразу подчеркну, что к настоящей диссертации Елены Юрьевны Захаровой по истории центрально-черноземной археологии высказанные сомнения не относятся.

Во-первых, в отличие от многих историографов (вроде меня самого⁸) она была и остаётся не чисто кабинетным историком, а и практикующим полевым археологом — держательницей открытых листов, руководительницей раскопочной практики студентов-историков, автором многих работ (статей и монографий) по сегодняшней археологии того региона, который взялась историографировать. Это очень важно потому, что только профессиональный археолог способен оценить, что именно изучали наши предшественники, как они это делали и что конкретно нашли, а чего недопоняли. Историограф, который не разбирается в содержании отдельных археологических культур, не владеет современными методиками их изучения, не способен понять и достижения, и просчёты археологов былых времен.

Во вторых, обладая специальным историческим и археологическим образованием, Елена Юрьевна владеет и всеми приёмами собственно кабинетного исследования, прежде всего — поиска, комментирования и публикации архивных документов. У этой диссертации солидная документальная, вообще источниковая база. Е.Ю. Захаровой введён в научный оборот впечатляющий объем редких и даже редчайших материалов, которые до этой исследовательницы пребывали втуне по целому ряду столичных и региональных хранилищ (их богатый обзор см. на с. 10 — здесь и далее ссылки на оцениваемую диссертацию даю таким образом).

В-третьих, положив много труда на протяжении всех 2000-х –2010-х годов на историю науки, Елена Юрьевна Захарова, как видно по тем же ей публикациям и отчётам, не прекращала и активного участия в полевой, камеральной, музейной, исследовательской археологии. Я мог лишний раз в этом убедиться, участвуя в представительной международной конференции по Хазарии, которая состоялась в сентябре 2015 года в природно-археологическом заповеднике «Дивногорье» (Воронежская область). Одной из полноправных «хозяек» с принимающей участников конференции стороны, модераторов научных дискуссий выступала Е.Ю. Захарова, проводящая там раскопки и участвующая в музеефикации уникального Маяцкого комплекса.

Так что в работе этой исследовательницы археология и историография не помешали друг другу, а взаимно помогли, послужили условием друг для

⁷ Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции. Три юбилея. СПб., 2005. С. 112–113.

⁸ Который, правда, трудился в экспедициях Э.А. Сымоновича, А.Е. Алиховой, Ю.А. Липкинга, В.В. Енукова, Ю.Ю. Моргунова, А.В. Зорина, но — простым землекопом.

друга. В работах по истории науки такое встречается нечасто, последние годы всё режёт.

Залогом успеха этого диссертационного проекта стало правильное определение его географических, временных и институциональных рамок. А именно, Елена Юрьевна уточнила регион рассмотрения — Центральное Черноземье, который оформился экономико-географически ⁹ ещё в Российской империи, а затем окончательно (официально, на карте страны) определился в таком качестве в СССР. Диссертантка обобщила все уже довольно многочисленные наработки по археологии отдельных участков ЦЧО, принадлежащие московским, петербургским, воронежским, липецким, елецким, тамбовским, курским, белгородским и прочим историографам региональных древностей, их выводы проверила и качественно дополнила своими собственными наблюдениями и заключениями. Вот именно в этом я вижу *главное достижение этой диссертации* — в ней *сравниваются, сводятся воедино те фрагменты истории русской науки, которые ранее, до Елены Юрьевны Захаровой, рассматривались по-отдельности*. Благодаря такому истинно докторскому (по шкале ученых степеней) масштабу, географическому и хронологическому, ею и была решена крупная научная проблема. На весьма репрезентативной модели были заново прослежены и во многом уточнены, детализированы, а кое в чём и пересмотрены основные этапы генезиса и эволюции отечественной археологии как науки и практики работы с памятниками далекой старины.

Основательные теоретико-методологические установки соискательницы докторской степени позволили ей учесть и государственные, и общественные (социально-политические), и собственно научные (внутриакадемические) компоненты развития археологии; его объективные и субъективные факторы, столичные и региональные, иноземные и отечественные импульсы, достижения и потери на этом впечатляющем пути. Диссертация Е.Ю. Захаровой, я уверен, приобретёт парадигмальный, предпосылочный характер для будущих работ по региональной истории науки — ведь институты, учреждения, типы личностей, общественно-политические факторы в составе таковой (при всей их возможной разнице) довольно типичны на всём пространстве Российской империи — от Варшавы до Аляски и от Архангельска до Севастополя... ¹⁰

Диссертация выстроена логично, содержание глав и параграфов полно раскрывает заявленную в названии тему. Первая глава диссертации детально прослеживает становление уже не меркантильно-бездумного, и не фантазийно-фольклорного, но познавательного интереса к древностям (историко-статистические «Описания» губерний и уездов; первые опыты

⁹ И даже терминологически — про «черноземные губернии» говорили уже накануне и после отмены крепостного права.

¹⁰ Сравните, если угодно, с новейшей работой по соседнему региону: *Наумова Т.В.* История изучения археологических памятников тульского края (1760-е – 1930-е гг.). Специальность 07.00.06 – археология. Дисс. ... канд. ист. н. Научный руководитель Ю.Л. Щапова. М., МГУ, 2016.

раскопок и публикации находок из погребений и поселений в ЦЧО). Вторая глава посвящена укреплению и развитию (профессионализации) местных традиций в археологии. Автор дальновидно учитывает разницу в объеме и содержании этого понятия раньше и теперь, равно как и смысловую преемственность старой и современной археологии. Правомерно сделан акцент на опорных учреждениях — статистических комитетах и губернских ученых архивных комиссиях, а в постреволюционное время — советских обществ краеведения (второй раздел работы, главы 4–5). По всему тексту диссертации представлена впечатляющая галерея биографических портретов деятелей здешней археологии. Исследование логично завершается окончательной профессионализацией областной археологии в послевоенном СССР. После чего история этой науки, по сути, переходит в продолжающийся и сегодня современный этап, который столь подробно историографировать, пожалуй что, и рановато.

Кроме согласия и похвал, у меня имеются и претензии к диссертации Елены Юрьевны Захаровой. Однако мои замечания, все без исключения, носят, что называется, факультативный характер, то есть вполне пренебрежимы, и никак не влияют на общую высокую оценку этой работы, вполне себе докторской по фактическому, идейному содержанию и академической форме.

Кажется мне, что автор переоценивает уровень профессионализации отдельных наших предшественников по работе с древностями, вообще несколько упрощает сложные и динамичные пропорции профессионализма и любительства в истории этой особенной науки¹¹. Так, упомянутые в диссертации наезды в черноземные губернии профессионалов стоит понимать, как говорится, *cum grano salis*. Первые рекогносцировки и даже раскопки в Курской губернии, упомянутые диссертанткой на с. 20, проводили лица, я бы сказал, в переходном статусе. Д.Я. Самоквасов — как магистрант юридического факультета Петербургского университета по кафедре истории русского права; В.Е. Данилевич — приват-доцентом университета св. Владимира по русской истории; а А.А. Спицын вообще гимназическим учителем из Вятки... Как ни парадоксально, тогда многие губернские работники с древностями были подготовлены к этой работе ничуть не хуже столичных коллег. Такая была система среднего и высшего образования в старой России. Разница советских университетов и пединститутов еще не настала... Ретивые, но малограмотные «краеведы» до революции были редкостью, а после — скорее правилом.

¹¹ См.: Щавелев С.П. Разные тропы в прошлое: профессионалы и любители // Эпистемология & философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. Т. XV. № 1. М., Институт философии РАН, 2008. С. 73–82; Его же. Профессионалы и любители как субъекты познания и практики // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. 2014. № 1. С. 21–25; Его же. Любители и профессионалы в истории русской археологии // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. М., Ин-т археологии РАН, 2015. С. 66–68.

Следующее моё замечание касается отдельных (в общей сумме незначительных по объёму) *подразделов диссертации* Елены Юрьевны, которые она вполне могла бы не включать в свою работу по одной простой причине — они уже *досконально изучены до неё*. Как видно, Елена Юрьевна стремилась полнее охватить заявленную тему, и это в общем правильное намерение смягчает в данном случае мою критику. Скажем, отдельный параграф про деятельность Д.Я. Самоквасова в Курской губернии по большей части повторяет две диссертации, докторскую и кандидатскую, и четыре монографии, посвящённые тому же самому вопросу (С.П. Щавелева, А.Н. Голотвина). Можно было бы просто на них сослаться. В этом моменте полнота изложения требуется скорее от учебного пособия, чем от научного исследования по историографии.

Ещё одно замечание относится к довольно распространённому в российской историографии недостатку — *некритичности в оценке работ других авторов*, писавших и защищавших нечто по сходной тематике. По принципу, который А.А. Формозов с иронией описывал строчкой С. Михалкова «мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Ярким примером подобной вторичности выступает кандидатская диссертация директора Курского государственного музея археологии Г.Ю. Стародубцева¹², которая во всех основных моментах повторяет чужие публикации по той же тематике¹³. Тем не менее, Елена Юрьевна ссылается зачем-то на эту диссертацию на стр. 6 автореферата. Коллегам пора признать, что далеко не всё, что пишется, публикуется и защищается по их тематике, обладает качествами научного исследования. Немалое число якобы научных работ науку более или менее успешно имитирует. И в этом надо разбираться прежде всего историографу.

Случай с диссертацией Г.Ю. Стародубцева тем более показателен, поскольку демонстрирует *вред от занятий историей науки* многими представителями её конкретных разделов. Кто-то из иностранных археологов метко заметил, что подобная инверсия похожа на то, как если бы часть футболистов прекратила бы играть и пересела на трибуны в качестве зрителей или же пыталась бы судить игру... Тот же Стародубцев уже много лет ведет охранные раскопки известного Гочевского археологического комплекса и других интересных памятников Курской области. Но диссертацию свою посвящает не этим древностям, а вопросам историографии. Да еще защищается в диссертационном совете Брянского университета, у знакомых археологов, где в свою очередь специалистов по

¹² См.: *Стародубцев Г.Ю.* Исследование археологических памятников Курского края в XIX–XX веках. Автореф. ... дисс. канд. ист. н. Брянск, 2006.

¹³ См.: *Щавелев С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск, 1997. 136 с.; Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск, 1997. 140 с.; Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е–1950-е гг.). Курск, 2002. 200 с.

истории науки нет (не случайно попытка брянского археолога-палеолитчика А.А. Чубура защитить докторскую диссертацию по историографии провалилась, эта диссертация была снята с рассмотрения в диссертационном совете РГСУ).

А Г.П. Григорьев всю жизнь копал Авдеевскую палеолитическую стоянку под Курском. Однако сводной монографии по Авдееву за полвека раскопок и при массе уникальных находок как не было, так и, видимо, никогда не будет. При этом на историографических конференциях покойный Геннадий Павлович охотно и с азартом выступал...

Патриарх нашей науки Лев Самуилович Клейн (Санкт-Петербург) свою экспедиционную деятельность свернул окончательно после двух-трех раскопочных сезонов, что не мешает ему уже полвека вещать на любые археологические темы и писать сводные труды по истории мировой и русской археологии. Не случайно все его конкретные гипотезы — о семиотике поэм Гомера, индоевропейцах, языческом Перуне, норманнском вопросе и др. — подверглись сокрушительной критике со стороны специалистов по ним.

Вообще, лично мне показалось, в диссертации *маловато критики*. Аналитика достойная есть, фактографии масса, а вот многие кричащие недостатки наших предшественников в полевой и литературной работы обойдены по большей части стороной... Впрочем, это общая мода в нашей историографии: как бы кого не обидеть... А ведь не только отдельные ученые, большинство так называемых краеведов, но и целые властные инстанции, по виду академические учреждения не только спасали, но и губили памятники... Скажем, одни археологи сохранили и обработали, издали все свои находки, а местонахождение коллекций других потеряно. Они ждут своего «грозного судию» в лице историографа.

Подобных примеров можно привести довольно много. Поэтому нас не должны радовать стремящиеся в 1990-е – 2010-е годы вверх графики публикаций по истории археологии. Многие из них только имитируют научность и носят в лучшем случае описательный, фактографический характер. Или, напротив, псевдотеоретический, схоластический характер. В то время как масса археологического материала лежит в хранилищах мёртвым грузом, теряется и разрушается. В то время как те специалисты, кому по должности положено искать, картографировать, разведывать, раскапывать, хранить и вводить этот материал в научный оборот, занимаются историей науки...

Диссертация Е.Ю. Захаровой, напротив, органично сочетает знание теории и методики археологии и историографии. Эта работа должны быть опубликована — или как монография, или как учебное пособие. И в том, и особенно в другом жанре она найдёт, я убеждён, множество благодарных читателей. С учетом этого сделаю и мелкие, стилистические замечания. Номера глав в нашей академической традиции принято обозначать римскими цифрами, а вот параграфы — арабскими, с общеупотребительным значком (символом) таковых (§). В финальном списке использованных источников

указаны не все названия единиц хранения (отдельных дел) из ряда архивов и их объем в листах архивной маркировки (на с. 386 и др.), что несколько затрудняет использование этого списка заинтересованными коллегами.

Отмеченные пробелы и внесённые мной предложения по продолжению диссертационного исследования ни в коем случае не отменяют общей высокой оценки научного качества диссертации Е.Ю. Захаровой. Проведенный мной беглый разбор этой работы приводит к однозначному выводу о том, что представленные в ней тезисы, оценки и выводы являются вполне обоснованными, логичными. Они обладают высокой научной и прикладной (педагогической, просветительской, политической) ценностью; вполне отвечают требованиям паспорта избранной специальности. Содержание диссертации адекватно представлено в ее автореферате и многочисленных публикациях, включая монографии и статьи в журналах из списка ВАКа.

Эта диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится убедительное решение значимой для истории археологии проблемы. Убежден, что диссертация Е.Ю. Захаровой вполне соответствует всем требованиям, которые предъявляют к претендентам на докторскую ученую степень не так давно обновленное Правительством РФ положение об ученых степенях и званиях (от 24 сентября 2013 г. № 842, пункт 9), а также Высшая аттестационная комиссия Министерства науки и образования РФ. Автор вполне заслуживает присуждения искомой ученой степени.

*Доктор философских наук, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой философии
ГБОУ ВПО «Курский государственный медицинский университет»*

Минздрава России

С.П. Щавелев.

31. 03. 2016 г.

*«Подпись профессора С.П. Щавелева заверяю»
Начальник Управления персоналом и кадровой работы КГМУ*

Н.Н. Сорокина

2016 г.

Адрес: 305041, Россия, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 4. КГМУ.

E-mail: kurskmed@mail.ru

Телефон: (4712) 58-81-32

Факс: (4712) 56-73-99, 58-81-37